

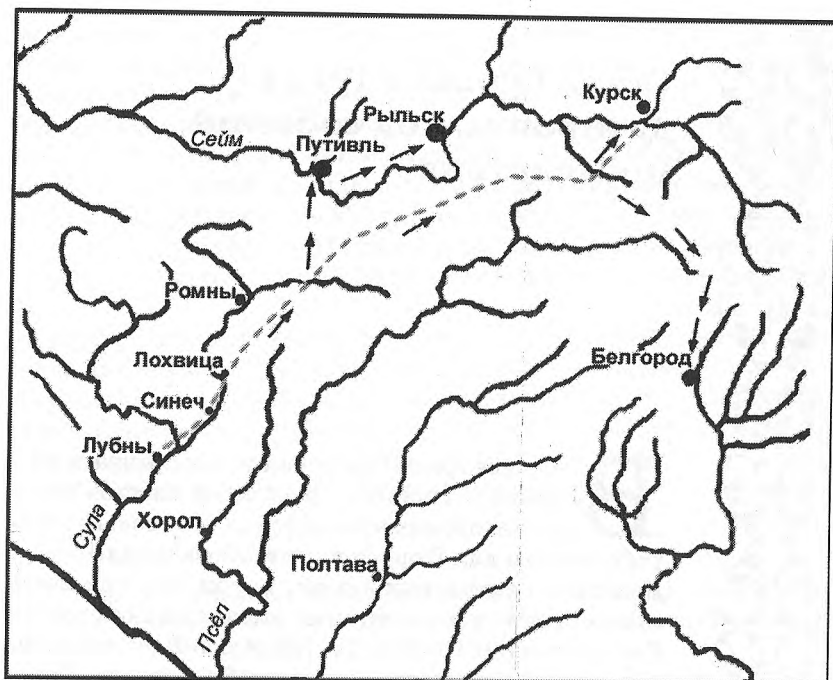

Зорин А.В.

Осада Курска в 1612 г.: датировка, ход событий, последствия

В Смутное время Северская земля превратилась в арену постоянных взаимных набегов польско-литовских и российских отрядов. Катастрофическим для Порубежья стали события 1612 г. Действия «литовских людей» в этом году являлись продолжением аналогичных казацких походов по Северщине в 1610–1611 гг. Их целью было приведение городов к присяге королевичу Владиславу. Курским воеводой в тот момент был стольник Ю.И. Татищев, являвшийся ранее сторонником Лжедмитрия II, а ныне действовавший от имени Первого Земского ополчения. Таково же было, вероятно, положение дел в Рыльске и Белгороде. Таким образом, удары по городам Курского края, пришедшие на этот год, не были результатом стихийных грабительских набегов, но представляли собой продуманные действия, направленные на полное подчинение Северских земель власти «царя Владислава» [1].

Действия «литовских людей» в 1612 г. отличались масштабностью и активностью. В первую очередь это относится к опустошительному рейду, который совершил урядник лубенский князь Семён Лыко. Начав с погрома окрестностей Рыльска, он затем взял приступом и сжёг Белгород. Его войска «Белгород и острог большой и малой и посад, и на посаде

Походы «литовских людей» на Курском побережье в 1612 г.

монастырь ... и мирския церкви, и дворы все разорили и выжгли без остатка». Спустя годы, в 1634 г., белгородские монахи вспоминали, что «в 120-м году, при боярех, приходил под Белгород князь Лыка Лубенской с литовскими людьми и Белгород взяли, и сожгли и совсем разорили; и монастырь Николы Чудотворца сожгли же, и игумена и братьев всех побили» [2]. После этого погрома ни монастырь, ни сама крепость на Меловой горе, на правом берегу Северского Донца, более не восстанавливались. Во второй половине 1613 г. они были перенесены на новое место. Князь же вернулся в Лубны с богатой добычей и многочисленными пленниками [3]. После смерти князя Семёна Ивановича славный поход 1612 года (наряду с его последующими подвигами) был даже воспет в стихах:

Кгды за его приводом замок московский Белгород добывали,
Кгды през штурм и бой добыл места и замок, ще войско здобывало

Скарбу немало. Потом збурил Рылск, Путивль –
С подивенем всех, яко оный князь был таким рыцерем [4].

Поход Семёна Лыко, судя по всему, был предпринят уже на исходе 1612 г. (об этом свидетельствует известная из летописей и актов точная дата падения Путивля). Начало же года оказалось ознаменовано попыткой польско-казацких сил захватить Курск.

Войска, состоявшие в основном из черкас, подступили под стены Курска, разгромив большой острог и неудачно осаждая в течение месяца малый. Неизвестно, участвовал ли в осаде Семён Лыко. В похвальном слове князю говорится лишь о его походах на Рылск, Путивль и Белгород. Местное церковное предание приписывает главенство над вражескими силами гетманам Желтовскому и Сагайдачному, однако документы сообщают, что под Курском в 1612 г. действовали отряды полковников Родкевича и Старинского [5]. Первый из них захватил всего двух пленников, но зато второй – 25. Такое количество пленников свидетельствует о крупномасштабных боевых действиях, что вполне можно соотнести с длительной осадой Курска. Таким образом, можно считать, что имя по крайней мере одного из предводителей неприятельского войска, штурмовавшего Курск в тот год, установлено.

Основным источником для описания осады Курска служит «Повесть о граде Курске и иконе Знамения Божьей Матери», составленная в 1660-х гг. Точная дата самого этого события пока не установлена. В сохранившихся документах она относится к 7120 году от сотворения мира, что в пересчёте на современное летоисчисление приходится на период с сентября 1611 г. по август 1612 г. В челобитной на царское имя жители города писали, что «в прошлом де в 120 году, как приходили под Курск Литовские люди и острог большой взяли, а они собрався в малом острожке от Литовских людей отсиделись» [6]. Однако в таком случае приходится признать, что в описание событий, сохранившееся в «Повести о иконе Знамения», вкрались серьёзные анахронизмы.

Известный историк, профессор Д.И. Багале́й показал в своё время, что польский полководец «гетман Желтовский» (Жолкевский) не мог реально участвовать в описанных событиях, если они относятся к 1612–1613 гг.: «если автор «Повести» понимает здесь Ст. Жолкевского, то нужно прямо сказать, что это неверно – ни в 1613 г., ни в 1617–1619 г., во время прихода Владислава в Московское государство, его не было при войске ... Один Жолкевский упоминается в качестве предводителя польской армии в Московских

пределах, но это был молодой Адам Жолкевский, приходивший сюда ещё до воцарения Михаила Фёдоровича» [7]. Следует отметить, что гетманом из двух Жолкевских был только Станислав Жолкевский (1547–1620). С 1588 г. он известен как полный коронный гетман, с 1613 г. – как великий коронный гетман. Он участвовал в походе на Смоленск короля Сигизмунда в 1609–1610 гг., разгромил русские войска в Клушинской битве и вернулся в Польшу в конце 1610 г. Его племянник Адам Жолкевский с 1610 г. занимал пост великого коронного обозного. Также участник похода 1609–1610 гг., а затем – похода Сигизмунда на Москву в 1612 г. Однако армия короля не продвинулась тогда дальше Волоколамска, а «Желтовский», согласно «Повести», наступал на Курск со стороны Путивля, по обычному пути черкасских набегов.

Не мог осаждать Курск и казацкий гетман Сагайдачный, также упоминаемый в «Повести». Описание прохода его воинства через Курский край может относиться только к 1618 г., когда запорожцы двигались к Москве на соединение с армией королевича Владислава.

Зато именно к 1612 г. относится первое пребывание на воеводстве в Курске упомянутого в «Повести» стольника Юрия Игнатьевича Татищева. Кроме того, «Повесть» сообщает, что нападение врагов было для курян божьей карой, поскольку они «яко овцы, егда сердца их во благих разблагаше, тогда никако же напасти на ся мнеша быти и в земных делесех, в веселии пребывающе, и повеленной пост мнози несохранением обругаша и ничтоже се преступление заповеди вмениша». Неприятель появился под Курском, «егда же оно се заповеданныя три дни среды преидоша и в день среды в вечеру» [8].

Упомянутый здесь трёхдневный пост не имел ничего общего с обычным церковным календарём. Дело в том, что в 1611 г. по всей России распространились слухи о видении, явившемся в Нижнем Новгороде «некому мужу по имени Григорию». Согласно этому видению, Русское царство и все православные христиане могли спастись, только если «люди по всей Русской земле покаются и станут поститься три дня и три ночи, не только старые и молодые, но и младенцы ... если же не покаются и не станут поститься, то все погибнут и царство разорится». Духовенство всячески поддерживало эти слухи и в итоге осенью 1611 г., «после взаимных отписок, в разных средних и поволжских городах, по приговору всей земли Русской, определили: поститься три дня в неделю, – в понедельник,

вторник и среду ничего не есть, не пить, а в четверг и пятницу сухо есть. Этот обряд, совершаемый повсюду с единой для всех целью, укреплял общее побуждение русского народа» [9].

К моменту создания «Повести» данный пост слился в памяти автора с другим постом – объявленным в 1613 г. во время Земского Собора при избрании на престол нового царя, Михаила Фёдоровича Романова. Это дало основание А.И. Раздорскому датировать и события осады 1613 годом, что, однако, противоречит чёткой дате источников – 7120 год.

Таким образом, осаду следует датировать началом зимы 1612 г. Кстати, именно зиму выбирали в то время «литовские люди» для наиболее сокрушительных своих ударов. Например, именно в январе 1617 г. Юрий Вишневецкий атаковал Путивль, именно в январе 1634 г. подступил к Курску Иеремия Вишневецкий. Так или иначе, но за легендарными неточностями позднего курского летописца угадывается картина подлинных драматических событий Смутного времени.

«Повесть» рассказывает, как гетман Желтовский «из града Путивля войск своих с полками поиде на Рыльск, на Орёл и оттоле воинство свое под многие страны и грады разосла». Однако реальные предводители неприятельского войска не могли выступить в поход из Путивля, поскольку он был захвачен князем Семёном Лыко только в декабре 1612 г., то есть уже в 7121 г. Численность неприятельской армии курский летописец доводит до 70 000, что, конечно, является значительным преувеличением. Это следует отнести к тем же ошибочным утверждениям, что и сведения о «Желтовском» и Сагайдачном. Вероятно, однако, что неприятельские войска действительно двигались на Курск со стороны Путивля по дороге из Лубен – вначале между Сулой и Сеймом, а затем между Сеймом и Пслом.

Появление неприятельского войска оказалось для жителей уезда полной неожиданностью. Большинство из них не успело запереться в стенах крепости. В итоге им пришлось искать спасения в других местах: «и человецы вси кииждо побеге во инья окрестныя грады, комуждо ко граду скорейше дойти могуще» [10].

К стенам Курска польско-казацкое войска подступило под вечер в среду, на исходе последнего дня трёхдневного поста, во время вечерни. Появившись внезапно у стен города, враги сразу же ринулись на штурм, подступив к стенам Курска с двух сторон: «Ко граду приступиша и зело ратоваше крепко и от речки рекомой Кур и

большого града и Георгиевские врата и ту часть стены и от Божедомныя слободы часть града запалиша» [11]. Где находились «Георгиевские врата», к сожалению, неизвестно. Однако можно предположить, что они располагались в большом остроге в противоположной стороне от русла Кура.

Гарнизон не имел достаточно сил, чтобы обеспечить оборону всего периметра укреплений большого острога. Поэтому воевода стольник Ю.И. Татищев принял решение отвести своих людей в пределы цитадели – малого острога, невзирая на его ветхость: «видевше много сопротивных воинств и крепкое их к сему граду ратование, а во граде мало людствия, ... великий и твердейши град он оставя, а сами вси в малый и нетвердый град поидоша». Однако даже стены малого острога оказались слишком протяженными для слабых сил Татищева, поэтому пришлось оставить без защиты участок от Куровой до Меловой башни, которому, видимо, угрожала опасность. Кроме того, в стенах его зияли проломы, которые пришлось наспех заделывать, разбирая на брёвна ближайшия постройки: «аще он и худейши онаго града яко и во иных местах и стены от Куровой по Меловую башню мало где что имуще немогуще его во оно время осадное людми объяти и худыя места вскоре разяв храмины утвердиша. Видевше еже граждая вели град изоставиша, возмнеша, яко граждая убося их, на нь пришедших оставя грады побегоша и абие напрасно во нь вскочиша [12].

Прикрывая отход в малый острог, воевода организовал контратаку против наступающего противника. Но враг, ворвавшись в пылающий город, быстро смёл немногочисленные заслоны его защитников и затем устроил настоящую резню: «и велие между ими быст сражение и пролитие крови сюду и сюду, а наиначе на православных христиан и жен и детей велия в том времяни крови пролился». Однако попытка с ходу захватить малый острог была отражена с потерями для штурмующих, которые «сей малый град обступиша всюду твердым обступлением и ратоваша крепким ратованием и жесточайшим ко граду приступлением, хотя во оно время сей град взяти и множество воинства своего на оном месте изгубиша». После этого осаждённым предложили сдаться, «некоего же от вои своих прислаша града сего к воеводе и ко гражданиом о задаче говорити» [13].

Этот парламентёр заявил: «зрите ли елико же нашего множество воинства и что сего дня сотворили болшую вашу и твердейшую крепость взяша и во многих от вас избиша, а сего ли худейшаго

града не имам преодолети, но аще вы живота своего не пощадите и града сего не здадите, то заутра сей град без всякаго закоснения восприимем и без всякаго милосердия всех вас и до сущих младенцев предадим смерти, аще ныне града сего не имате здати, то впред от вас ваше прошение никако же может быти принято, зане и без вашия здачи сей град восприимем».

На эту угрожающую речь воевода и горожане кратко отвечали: «Яко никако же вам сей град имамы здати, но вси желателный есмы за имя Христово помрети» [14].

Тогда в ночь с пятницы на субботу была предпринята новая попытка приступа. На этот раз удар был нанесён по Пятницким воротам. Видя подготовку к штурму и зная непрочность ворот, осаждённые предусмотрительно заранее засыпали их наполовину землёй. Сохраняя по приказу воеводы тишину и полное молчание, они ожидали неприятеля и условленного выстрела с Пятницкой башни – сигнала открыть огонь. Когда штурмующие приблизились с тараном, их встретил мощный залп: «И егда же противнии ко граду приближашася и уготованным древом хотеша врата низвергнути и стену града подсеками, и в то время напрасно вси противным изо много оружия отповедь учиниша и многих вечно спят сотвориша. И много в ту ночь противнии на град ратовали и ничто же успеха сотворити и такую себе язву восприяша» [15].

Согласно сведениям автора «Повести...» («яко нецый поведаша ми»), штурмующие потеряли до 9000 человек. Число потерь, разумеется, преувеличено, однако несомненно, что врагу был нанесён серьёзный урон. После этого противник долго не предпринимал активных действий, продолжая обстрел крепости до «седмицы».

Ожидая нового приступа и видя невозможность защитить полностью все участки стены, воевода приказал сжечь участок между Куровой и Меловой башнями вместе с Меловой и «безверховой» башнями. «Повесть...» объясняет это вмешательством Божьей Матери, которая передала совет поступить так через «некую жену» и белгородского пушкаря Ивана Москвитина. Женщине видение явилось во сне, а пушкарь узрел в ночи «зело страшно и преславно чудо оно видяще, яко от Пятницкия башни по забралу града шествовала в преизящном свете девица, а со обою страну ея два юноша в светлых ризах, да знавают он, яко се шествовала Пресвятая Богородица, град сей от противных защищая». Как бы ни относиться к достоверности этих сведений, нельзя не признать полезности полученного совета – «дабы рукав, иже к Меловой башне и безверховую

башню града спалити, а аще не спалят, то град сей от противных взят имат быти, аще ли спалят спасется». Возможно, опытный пушкарь и сам воевода прибегли к авторитету Богородицы, чтобы её именем освятить столь рискованный шаг, как сознательное уничтожение части городских укреплений. Так или иначе, но решение было принято и вскоре «по завещанию Пресвятыя Богородицы от оныя башни до другия заграда деревья и излишнюю стену с Меловою башнею запалиша» [16].

Осаждающие, видя огонь, ошибочно решили, будто жители зажгли крепость и под прикрытием огня и дыма сами теперь спасаются бегством. Поэтому город был тотчас окружён конными и пешими воинами, чтобы ловить разбегающихся курян. Однако, убедившись в своей ошибке, противник тотчас переменял свои планы и решил воспользоваться пожаром и возможным замешательством среди защитников крепости, чтобы попытаться внезапным ударом овладеть ею. Была предпринята атака со всех сторон. Главный удар наносился со стороны пожарища, — «а наипаче же с того зазженного места», — где штурмующие и понесли наиболее тяжёлые потери: «и на оном месте зело множество противных победиша и смерти предаша». Приступ был отбит.

После этой неудачи осаждающие перешли к правильной блокаде, окружив город окопами и лишив горожан доступа к воде: «И оттоле противнии день от дни злохитростное свое на взяти града хитрости дающе гражданам тягость велию крепким своим обступлением сотворяюще, яко шанцами всюду окруживше и воду отнявше» [17]. Только обильные снегопады помогали осаждённым бороться с жаждой. Однако воды на все всё равно не хватало, к тому же стал иссякать запас пороха.

Участились предложения сдачи. То и дело являлись вестники из враждебного стана, которые уверяли, что ни за что не отступят, не взяв города. Осаждённых пугали скорым приходом свежих польских войск (в «Повести...» упоминается имя великого гетмана Потоцкого), которые не окажут им никакой милости, «но, восприяв град, всех предаст вы ни единым милосердием мечю изозщренному». Жажда и нехватка боеприпасов привели к тому, что осаждённые «устрашишася и начаша совещати, о еже бы им како животу своему хотя малую отраду подати и ежели бы им от жажды помирати».

Осада продолжалась уже третью неделю, и куряне изнемогали от выпавших им лишений. Наконец, на общем сходе осаждённые

решили оставить крепость, пробиться через кольцо осады и укрыться в лесах за Тускарью. Была назначена и ночь для прорыва. Но накануне «спасского попа, что за речкою Куром [церковь], попадья услышав сей совет и желая от противных за се почесть себе восприяти», явилась во вражеский стан и раскрыла гетманам намерения курян. Гетман решил поставить на месте предполагаемого прорыва отряд конницы, «уготованный на посечение безо всякаго милосердия» всякого, кто выйдет за пределы крепостных стен. Одновременно планировалось начать общий штурм острога, покидаемого защитниками. Победа сама шла в руки врагу.

Однако один из посланников, являвшихся с предложением сдаться, внезапно ободрил осаждённых. Он рассказал о своём видении, которое говорило ему о том, что город никогда не будет взят, потому что его хранит Божья Матерь, которую многие из осаждающих не раз видели ночами обходящую стены крепости. Видение являлось то как женщина в светлых одеяниях, «зрения никако же никто от них на ню могше зрети ниц падоша», то как девица в окружении шести мужей «во светлосиятелных ризах ... и з жезлами». Говорили также о явлении некоего «светлообразного» юноши в белом одеянии и на белом коне. От этого и от «иных страшных явлений» в лагере осаждающих возникло «велие смятение» [18].

Подобные рассказы воодушевили как воеводу, так и горожан. Вероятно, также им стало известно и о планах осаждающих на эту ночь. Так или иначе, но, когда неприятель приблизился к стенам крепости, «от граждан на той брани множество противных быст убиенно». После этого враги участили свои приступы, лишая осаждённых ночного сна.

На четвёртую неделю осады неприятель решил было отступить от «упрямой крепостцы». Но, когда уже снимали лагерь и трубили войсковой сбор, к предводителям войска явился ещё один перебежчик – поп Спасской церкви, что за Куром (муж изменившей прежде попадье)¹. Он поведал гетману, что горожане, опасаясь повторения ночных приступов, с вечера до рассвета бдят на стенах, «а в день всегда без боязни от труда опочивают». Более того, изменник посоветовал приступать к городу со стороны Толкочеевских ворот – наиболее слабого участка обороны. Обнаждённые этим неприятели повторили штурм, но и эта попытка кончилась безрезультат-

¹ В другом варианте «Повести...», которым пользовался Д.И. Багалея, здесь фигурирует зять упомянутой попадье, дьякон той же церкви.

но, хотя город был на грани падения: «И ко граду на приступ напрасно приидоша и нецый от них и во град сей внидоша и узревше се граждане на оно место много стекошася и крепце с сопротивными борющеся. И на обе страны крови пролияшеся и в мале от противных не взятся в той час град сей спасеся» [19].

После этого враги «зело освирепишася и частым крепким приступлением начаше град сей озлоблять ... ко взятию града всякие хитрости устрояюще». Четырёхнедельная осада, постоянные приступы и жажда довели горожан до почти полного изнеможения. Пленники, которым удавалось бежать из вражеского стана, передавали, что неприятель помышляет только о взятии города и не думает об отступлении: «от избегших сего града людие от рук противных слышанием уверишася, еже противнии ничтоже ино советают токмо, еже о взятии града всякое ухищрение. И не преодолев никогда же от него без делни отити хотяще». Можно предположить, что «побеги» эти были организованы самими же осаждающими с целью ещё более подорвать дух защитников города [20].

В итоге горожане вновь стали советаться, обсуждая возможность сдачи. Автор «Повести...» передаёт общее мнение курян, собравшихся на совет: «Ныне уже граду нашему во обступлени бывшу 4 седмицы, и в день дней ко граду нашему жесточайшим ратованием являются и всякое над ними зло умышляти не престают и мнози гради твердейша сего множество людей исполнени силою своею яша, а мы ни единыя помощи откуду либо чаем, что имамы сотворити с сими развее сего еже град сей имея противным здати и тем от горкия смерти спаситися, а аще не здадим, то безвременно зле живот свой и з женами нашими и с детми имамы скончати». Однако на совете затем взял слово «нецы из них муж благодатии божий исполнен», который всё же сумел переломить общее мнение и убедить горожан держаться до конца. «Повесть...» приводит эту речь, изобилующую многочисленными библейскими цитатами и явно относящуюся к области литературного творчества самого летописца [21]. Город сдан не был, а вот осаждающим, в конце концов, всё же пришлось снять осаду и бесславно отступить от стен ветхой, но столь неприступной крепости. Курск остался прочным оплотом России на её южных рубежах.

Согласно обегу, данному курянами во время осады, в городе была выстроена церковь, положившая начало Знаменскому мужскому монастырю. В челобитной на царское имя жители города писали, что «в прошлом де в 120 году, как приходили под Курск Литовские

люди и острог большой взяли, а они собрався в малом острожке от Литовских людей отсиделись и обещали они в Курску в малом острожку возле города на конец торгу против городского моста, что поставлена была часовня ... воздвигнуть церковь Пречистые Богородицы Курские» [22].

Потерпев неудачу под Курском, польско-казацкие силы добились полного успеха в Белгороде, а затем и в Путивле. Согласно данным Межигорской летописи, польско-казацкие войска «року 1612 Декаврія 7 дня Путивль взяли» [23]. Официальные московские документы подтверждают эти сведения. Путивлянин Ивашко Коренской «в роспросе» перед воеводами сообщил, что «литовские люди город Путивль взяли и выжгли во 121 году о Николине дни осеннем, и он от тех мест в Путивле не живал» [24]. Указанная дата – осенний «Николин день» приходится на 6 декабря 1612 г. по юлианскому календарю – вполне соотносится со сведениями украинского летописца. Войсками, взявшими Путивль, командовал князь Семён Лыко. Об этом свидетельствует фраза похвального слова князю в Киевской летописи, сообщающая о том, что после разгрома Белгорода и Рыльска он «збурил ... Путивль» [25].

В итоге военные действия 1612 г. оказались достаточно удачны для польско-литовской стороны: одна порубежная крепость была полностью стёрта с лица земли, два города с уездами подверглись разорению, захваченным оказался важнейший региональный центр, каким на протяжении всей Смуты являлся Путивль. Таким образом, на Северной земле были значительно подорваны позиции лидеров Земского ополчения, только что с трудом овладевших разорённой Москвой. Однако полного успеха и признания Владислава всей Северной землёй добиться так и не удалось, причиной чему послужила стойкость защитников Рыльска и Курска.

Источники и литература

1. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.) / С. А. Белокуров. – М., 1907. – С. 25; Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II / И. О. Тюменцев. – Волгоград, 1999. – С. 550.
2. Акты Московского государства. – М., 1890. – Т. I. – С. 641.
3. Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII века / А. И. Папков. – Белгород, 2004. – С. 118.

4. Київський літопис першої чверті XVII ст. // Український історичний журнал. – 1989. – № 5. – С. 113–114.
5. Папков А. И. – Указ. соч. / А. И. Папков. – С. 124.
6. Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни / сост. И. П. – СПб., 1876. – С. 26.
7. Багале́й Д. И. О необходимости изучения Курской губернии в историко-географическом отношении / Д. И. Багале́й // Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1888 г. – Курск, 1887. – С. 270–271.
8. Зорин А. В. Порубежье. Курский край в XVII в. / Зорин А. В., Раздорский А. И. // Курский край. – Курск, 2001. – Т. VI. – С. 294.
9. Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства / Н. И. Костомаров. – М., 1994. – С. 721–722.
10. Зорин А. В. – Указ. соч. / А. В. Зорин, А. И. Раздорский. – С. 295.
11. Там же. – С. 295.
12. Там же.
13. Там же. – С. 295–296.
14. Там же. – С. 296.
15. Там же.
16. Там же. – С. 297.
17. Там же.
18. Там же. – С. 297–298.
19. Там же. – С. 299.
20. Там же.
21. Там же. – С. 300–302.
22. Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни / сост. И. П. – СПб., 1876. – С. 26.
23. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. – К., 1888. – С. 96.
24. Акты Московского государства. – М., 1890. – Т. I. – С. 165.
25. Київський літопис першої чверті XVII ст. // Український історичний журнал. – 1989. – № 5. – С. 114.